

«Ода на смерть Державина» В. Капниста: к вопросу о жанровой номинации

Образ Элизиума как посмертного пристанища талантливых поэтов, связанных узами дружбы, впервые возникает в стихотворениях К. Н. Батюшкова «Видение на берегах Леты» (1809) и «Элизий» (1810). Поэтическое бессмертие перестает быть просто метафорой и дорастает до мифа. Но этот литературный миф, сформировавшийся в начале XIX века, прекрасно сочетается с горацианской концепцией бессмертия поэта, еще при жизни воздвигшего себе памятник своими стихами. Оду Горация «К Мельпомене» в XVIII веке переводили неоднократно. Среди переводчиков были и Г. Р. Державин и В. В. Капнист.

В 1816 году Капнист, потрясенный смертью своего друга, пишет «Оду на смерть Державина», в которой предпринимается примечательная попытка синтеза одического стиля XVIII века и элегической манеры Жуковского с романтическим мифом об Элизиуме, как его интерпретировал Батюшков. Это стихотворение поражает своей интертекстуальностью. Можно сказать, что Капнист старается представить обзор поэтического творчества Державина: читатель должен был вспомнить и «Оду на смерть князя Мещерского», и «Памятник», и «Водопад», и оду «Бог», и «Фелицу», и знаменитую «грифельную оду», последнее стихотворение Державина. Ода здесь переходит в эпитафию, возможно, не только Державину, но и всему XVIII веку в целом.

Капнист сохраняет одическую строфу, намеренно воспроизводит стиль державинской оды. Но сам Державин посвящал свои торжественные оды сильным мира сего: императрице, ее вельможам, военачальникам. Капнист посвящает оду поэту, который для живущих в XIX веке стал символом прошедшего столетия (вспомним хотя бы, с каким восторгом в 1815 году встречали Державина лицеисты). XIX век, эпоха романтизма, меняет представление о поэтическом творчестве, открывая его самоценность и самодостаточность, и стихотворение Капниста отражает сознание человека этой новой литературной эпохи. В конечном итоге, перед нами не просто ода поэту, но ода самой поэзии, воплощением которой для Капниста является Державин.

Автор стихотворения стремится показать разные лики Державина-поэта, что проявляется даже в эпиграфе: «...Вовеки лирой будет славен / Анакреон, и Флакк, и Пиндар наш – Державин» [1, с. 348]. В самом деле, поэзия Державина включает в себя анакреонтическую, горацианскую и торжественную (пиндарическую) оду. Не названы еще философская и духовная ода, но в самом тексте стихотворения Капнист исправит это упущение. И возникает парадоксальная ситуация: Капнист настолько далеко заходит в своем следовании державинской традиции, что ему удается создать текст, где не только ода соседствует с элегией, но еще и совмещены друг с другом три разновидности жанра оды. Капнист умело использует прием контраста, столь любимый Державиным:

О скорбь! – и скорби безотрадной
Мы в горьких не смягчим слезах:
Рыдаем, – а в могиле холодной
Бессмертного уж тлеет прах [Там же].

Эти строки напоминают известный державинский афоризм: «Сегодня Бог, а завтра прах» [2, с. 45] («Ода на смерть князя Мещерского»). Третья и четвертая строфы стихотворения Капниста восходят именно к этой державинской оде. Вслед за своим предшественником Капнист говорит о том, что смерть всесильна, и ей подчинены абсолютно все (правда, для поэта потом будет сделано исключение):

О смерть! и царь и раб презренный, –
Подданство все равно твое;
И все, как жертвы обреченны,
Падут на остро лезвие.
Равно сражая скорбь и радость,
И ветхость, и красу, и младость
Непритупленную косой,
Трофей ты пеплом посыпашь
И славны царства порашаешь
Пустынным терном и травой [1, с. 349].

Эти строки вполне сопоставимы с тем фрагментом «Оды на смерть князя Мещерского», где речь идет о «бледной смерти», которая

Глядит на всех – и на царей,
Кому в державу тесны миры;
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и серебре кумиры;
Глядит на прелесть, и красы,
Глядит на разум возвышенный,
Глядит на силы дерзновенны
И точит лезвие косы [2, с. 44].

И если Державин находит для себя утешение, вспоминая о друге (обращение к Перфильеву в последней строфе), то Капнист утешается мыслью о бессмертии Державина-поэта.

Чтобы донести до читателя мысль о бессмертии Державина, Капнист обращается к другому его стихотворению – к «Памятнику». Это уже пример горацианской оды:

Злый Хрон, все в мире истребляя,
Твой памятник истлеть желая,
Преткнется о ступень его;
И, вечною покрытый тьмою,
Плутон забвения рекою
Не смое лавра твоего [1, с. 351].

Упомянутая в данном фрагменте «река забвения» – это и державинская «река времен», и Лета, «река забвения стихов» (Батюшков), в которой тонут все дурные стихи («Видение на берегах Леты») [3, с. 233]. Возможно, совмещая эти две поэтические традиции, Капнист хотел подчеркнуть, что поэзия Державина все еще востребована, несмотря на смену литературных эпох?

В подобном контексте вполне естественным выглядит упоминание Элизиума: «Певец любви, победы, бога / Чрез праг Плутонова чертога / В подземный Элизей грядет» [1, с. 348]. Надо сказать, что образ Элизиума в то время, когда было написано стихотворение, ассоциировался с жанром дружеского послания. Именно в произведениях этого жанра описывается, как прерванный смертью дружеский пир продолжается на берегах Леты (кстати, мотив пира, прерванного смертью, присутствует и в «Оде на смерть князя Мещерского») [4]. Таким образом, Элизиум воплощает в себе и мысль о скоротечности жизни, и ощущение неизбежности смерти, и радость от обретения бессмертия. Пожалуй, все это есть и в оде Капниста. Но в дружеском послании обычно нет серьезной дистанции между автором и адресатом, поэтами живыми и поэтами, благоденствующими в Элизиуме. А в «Оде на смерть Державина» дистанция между бессмертным Державиным и лирическим субъектом весьма значима.

Надо сказать, что «Ода на смерть Державина» – первое, но не единственное стихотворение Капниста, посвященное этому печальному событию. Капнист напишет еще четыре стихотворения на эту тему, и вместе с рассматриваемым здесь произведением они образуют цикл, который не был выделен самим автором, но очень легко выявляется при чтении. «На кончину Гавриила Романовича Державина» (1816), второе стихотво-

рение цикла, представляет собой короткую эпитафию умершему поэту: «Державин умер!.. слух идет, – / И все молве сей доверяют, / Но здесь и тени правды нет: / Бессмертные не умирают!» [1, с. 352]. Очевидно, здесь в сжатом виде Капнист формулирует основную мысль «Оды на смерть Державина», и вновь возникает парадокс: разве бессмертным слагают эпитафии?

Третье стихотворение цикла – «Горсть земли на могилу благотворителя друзьям Державина» (1816) – более всех других напоминает анализируемый нами текст. Капнист вновь возвращается к одической строфе (хотя начинается стихотворение восьмистишием трехстопного ямба), вновь противопоставляет себя великому современнику. Именно в третьем стихотворении цикла наиболее явными становятся элегические мотивы. Когда речь идет о Державине, Капнист пытается создать *оду*, но, говоря о самом себе, он чаще склоняется к *элегии*. Приведем здесь соответствующие отрывки из «Оды на смерть Державина» и из стихотворения «Горсть земли на могилу благотворителя друзьям Державина»:

Увы! – прости мне, друг любезный,
Что с томной жалобою слезный
Из сердца проливаю ток:
Прости, – и песнь сию унылу
Прими, о друг мой, на могилу,
Как скорбью брошенный цветок

(«Ода на смерть Державина») [Там же, с. 351].

Образ цветка появляется и в третьем стихотворении цикла, но на сей раз он символизирует хрупкость человеческой жизни:

Цветок, растущий на долине,
Недолго в счастливой судьбине
Красой и запахом пленял...
Луч солнца к югу уклонился,
Ветр дунул, льдами ток стеснился,
И где ж цветок? Цветок увял.

Но солнце снова воссияет,
Цветок, быть может, оживет;
Лишь мне надежда изменяет,
Мое лишь солнце не взойдет.
Сокрылся луч, меня хранящий!
За часом час, вослед летящий,
Лишь хлад душе моей несет;
Мне в сердце горесть поселилась,
Мысль мрачным облаком покрылась,
И смерть во гроб меня зовет [Там же, с. 354].

Этот фрагмент, пожалуй, можно, сравнить со знаменитым романсом Жуковского «Цветок» (1811). Создается впечатление, что Капнист был вовсе не против того, чтобы учиться у молодых поэтов. И более того, он предпочитает о самом себе, человеке, кровно связанном с XVIII веком, говорить языком молодых поэтов-элегиков. Конечно, в результате получается весьма причудливое смешение разных стилей, но ведь сам Державин не боялся совмещать несовместимое.

Первые три стихотворения цикла, написанные в 1816 году, составляют его смысловое ядро. Но Капнист не останавливается на этом и еще два года старается приурочить к годовщине смерти Державина очередное стихотворение, посвященное памяти поэта. Так появляются оды «На тленность» (1817), где Капнист вновь обращается к творчеству Державина – к одам «Река времен...», «Лебедь» и «На смерть друга» (перевод из Горация, сделанный, вероятно, все-таки в 1816, но датированный при публикации самим автором 1818 годом).

Таким образом, Капнист старается рассказать о Державине, который прославился своими одами, опять же в жанре оды. Более того, он не боится смешивать разные жанры в рамках этих од. В этом тоже можно увидеть дань уважения Державину. Целью данного исследования было не оспорить жанровую номинацию, предложенную самим автором, но внести некоторые уточнения относительно *синтетической* жанровой природы «Оды на смерть Державина». Тем не менее, можно предположить, что Капнист не случайно вводит указание на жанр в заглавие стихотворения. «Ода» – это и жанр стихотворения, который для русского читателя умер вместе с Державиным, и напоминание о том, чем обессмертил свое имя покойный, и отсылка к поэзии XVIII века, и намек на то, что поэт, всю жизнь писавший оды для других, не менее достоин оды в свою честь, чем монархи и полководцы. Ода здесь ассоциируется с величием и бессмертием, а элегия – с недолговечностью жизни и хрупкостью всего живого. И поскольку главный герой стихотворения – Державин, уже получивший бессмертие в награду за свои стихи, то стихотворение, вне всякого сомнения, должно быть названо одой.

1. Капнист В. В. Сочинения. М., 1959.

2. Державин Г. Р. Стихотворения. М., 2002.

3. Батюшков К. Н. Стихотворения. М., 1987.

4. Об этом см.: Виролайнен М. Н. Две чаши // Виролайнен М. Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. СПб., 2003.